

Оксана Алексеева

Книга 2 **Охота
на Волков**

Оксана Алексеева
Охота на Волков
Серия «Ген бессмертия», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55387987

Аннотация

Среди смертных находится девочка, имеющая редчайший дар Стирателя. За ней начинается погоня, ведь ее способность в условиях начавшейся Войны востребована как никогда. Империя трещит по швам, вампиры создают союзы и выбирают стороны, но в маленьком городке расцветает своя тайная история, скрытая от посторонних глаз. На чьей стороне окажется новый Стиратель – зависит от того, сможет ли всего лишь один бессмертный победить собственный эгоизм ради любви.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	54
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Оксана Алексеева

Охота на Волков

Глава 1

Алекс

Все началось, когда Насте было семнадцать. На первый взгляд, ничем не примечательная история. Девчонку в течение нескольких лет насиловал отчим, она никому об этом не рассказывала. Обычное дело. Мы в такую банальщину не вмешиваемся. На свете многое случается, и это – далеко не самое худшее. Для нас, вампиров – так вообще ерунда, не стоящая внимания. Если бы не куча странностей, которые сопровождали всю эту историю. Год назад мне позвонила Анита и начала самым радостным голосом с обычного приветствия:

– Алекс, мой золотой мальчик! Как ты? Чем занят?

– Хорошо, Мастер, – я сразу начал улыбаться. Моя любовь к Аните была бесконечной. – Наслаждаюсь нежизнью. Что-то случилось? – теперь она звонила крайне редко и никогда – чтобы попусту потрепаться. Моя создательница занимала высокое положение в Тысяче Сокола и обычно была

в курсе всего происходящего.

– Слушай, мой дорогой, какую я тебе сказочку расскажу!
Один из наших свихнулся. На пустом месте!

Я решил вставить в образовавшуюся паузу:

– И?

Безумие – типичный конец для вампиров. Ничего странного в этой «сказочке» не было. Может, Анита хочет, чтобы я его убил? Мы обычно занимаемся этим сами, не позволяя охотникам влезать в наши дела. Наверняка он находится где-нибудь поблизости, в Испании. Да, я – Боец, и такие приказы иногда приходится исполнять, но в Мадриде, кроме меня, целое сообщество Соколов. Можно было бы поручить эту работу любому из них, а не отвлекать меня... от наслаждения нежизнью. Честно говоря, ничем особо серьезным я занят не был, просто грелся на теплом испанском солнышке. Меня, такого молодого по вампирским меркам, уже вообще ничто сильно не впечатляло. Но вот месяц назад познакомился с одним юным и очень талантливым художником. Он любит рисовать мое тело... обнаженным, а смотрит на меня с таким обожанием, будто я его личный бог. Интересная и новая для меня эмоция. Если не надоест в ближайшие пару месяцев, так и быть – доведу его до границы счастья. Да он, похоже, чокнется, даже если я его поцелую. В щечку. А вот кровь у него на самом деле восхитительная! Похоже, талант добавляет какой-то изюминки в ее состав. Ведь говорят же, что искусство – это сама душа. Может, это человеческая ду-

ша такая на вкус? Надо будет позже проверить гипотезу о взаимосвязи гениальности и вкуса крови... Как раз недавно видел девушку-скрипачку на улице. Тоже талантливая. Тоже выглядит вкусно. Так, о чем там Анита?

– Алекс! Ты не понял! Ему и двухсот лет не было!

Я призадумался. Обычно вампиры сходят с ума ближе к пятистам...

– А может, у него такая способность? Кто-то внушает, кто-то стирает память, кто-то передает мысли, а он сумел быстренько свихнуться? Уникальный и редчайший дар.

– Золотой мой мальчик, прекрати ерничать, дай договорить! – но в голосе Аниты не звучало ни капли раздражения. – В том городе было всего двое наших. Они оба жили со смертными женщинами, строя из себя примерных мужей... И поскольку там больше нет ни вампиров, ни охотников, они, ясное дело, друг с другом общались часто. Сам знаешь – иногда хочется быть собой, раз при остальных приходится притворяться. Так вот, второй говорит, что за пару дней до этого тот был совершенно вменяем! Вообще никаких признаков безумия!

– Хм... Действительно, странно. Но я тут при чем?

– Он сошел с ума как будто за один миг! Бормотал что-то про девичью грудку, сладкое лоно и наслаждение. Но больше ничего не помнил! Даже имени своего! Друг его сообщил в Управление Тысячи, и те забрали безумца. Но они тоже ничего не смогли выяснить! Ему как будто стерли память...

Понимаешь, что это значит?

Да, кажется, начинаю понимать. Вампиру стерли память, причем почти всю, за исключением лона и груди. Наверное, самое интересненькое оставили. У немногих из нас есть способность полностью стирать память человека, у редчайших единиц – память вампира. Например, у меня. Поэтому я такой бесценный лапочка для Тысячи Сокола. Так вот почему Анита призывает в помощники мою скромную персону! Или тут другое? Я решил уточнить это у собеседницы:

– Мастер, в Управлении Тысячи подозревают меня? Но я даже не знаю, о ком ты говоришь и впервые слышу...

– Нет, нет, – она перебила нетерпеливо, – тебя уже проверили. У тебя железное алиби, в Мадриде полно вампиров, которые подтвердили, что в последнее время ты безвылазно находился там.

Вот как. А мне изволили сообщить только после. Аниту я винить в этом не собирался. Я прекрасно знал, что приказы Управления не обсуждаются. Она продолжала:

– Это еще не все. Буквально в тот же день в том же городке одна малолетняя девица из смертных заявила своей матери, а та – в милицию, что ее в течение двух лет постоянно насиловал отчим. И отгадай с трех раз, кем был ее любвеобильный папочка? Как раз тем самым нашим вампиром, которого милиция так и не нашла. Его, беснующегося от беспамятства, к тому времени наши уже увезли. Сидит сейчас где-нибудь в подвале Управления, плачет о дочурке.

Вот это уже было на самом деле странно. Если девочка терпела издевательства вампира так долго, значит, он ей внушал это терпеть. Значит, она попросту не могла никому об этом рассказать. И сам факт того, что она вышла из-под его внушения в тот же самый день, когда он потерял память... Хм...

– И это еще не все! – ну ничего себе история, она когда-нибудь закончится? – Когда наши приехали в тот город, чтобы все разузнать, они, конечно, нашли девочку. И она ничего не смогла рассказать! Она, по странному совпадению, тоже ничего не помнит, вообще! Понимаешь? Вышла из-под внушения вампира, рассказала матери, что он с ней делал, и потом, хрясь, сама забыла последние семнадцать лет своей жизни!

Действительно, интересная получилась сказочка. Но я до сих пор не понимал, причем тут я, раз моя невиновность уже доказана. Ладно, может, Аните нужна моя версия событий?

– Понятное дело, там не обошлось без вампира со способностью Стирателя. Какой-нибудь сердобольный бессмертный узнал обо всем, не смог пережить такое небрежное обращение с лоном и грудкой, стер память вампиру, а заодно и девчужке... Из жалости. Она ж, наверное, там вся перекособоченная психикой стала. А тут – новая жизнь без старых воспоминаний... Ты хочешь, чтобы я заставил ее вспомнить? Узнать, кто был тем благодетелем? Но зачем? Пойдем всей Тысячей мстить за Сокола-педофила? Но ведь он сам

виноват: нарушил Закон и допустил, чтобы об этом узнали.

У нас есть Закон. Но неукоснительно нужно соблюдать только одно правило – не попадайся. Это хорошо еще, что на него первыми вышли не охотники, тогда бы вся Тысяча огребла за его ночные утехы. Моя беззаветно любимая госпожа недолго думала над ответом:

– Алекс, поверь мне, в этой истории все не так просто! Гони туда и попробуй разобраться. У тебя такая же способность, возможно, ты поймешь больше остальных. В крайнем случае, заставишь девочку вспомнить. Если это потребуется.

Ну началось... Прощай, юный художник со своей вкуснейшей кровушкой, прощай, скрипачка... Дождитесь меня тут, хорошо? Не умирайте пока.

– Куда ехать-то?

– В Россию... – протянула она, предполагая мою реакцию.

– Что?! – мой возмущенный крик заглушил продолжение. – Не-е-е-ет! – уже более спокойно и обреченно.

– Да-а-а-а-а, – ответила мне Анита, в голосе которой слышалась улыбка. Знает же, старая стерва, что я не могу отказаться.

Ненавижу Россию! Вот честно. Обычно вампиры колесят по всему миру – новые эмоции и впечатления, новые люди, новая кровь. Я бывал и в этой жуткой стране тоже. Она огромная, но повсюду... безобразная. В столице жить еще можно, если недолго. Но едва выедешь за ее пределы – начинается глухое Средневековье. Я, рожденный уже в XX ве-

ке, – вампир нового поколения. Меня не прельщает их уютный быт, их традиционный уклад, их массовая зашоренность взглядов. И самое главное – это территория Тысячи Волка, они там живут во многих городах. Конечно, в этой отвратительной стране им самое место. Сейчас официальное перемирие, поэтому я имею полное право поселиться, где мне захочется, но никто и не удивится, если я вдруг неожиданно от этого скончаюсь. В тот город, куда посылают меня, нет ни Волков, ни охотников, поэтому, возможно, мне удастся не блевать постоянно. Но все же мысль о поселении так близко к своим бывшим врагам не особенно прибавляла энтузиазма. К огромному моему сожалению, русский, как и многие другие языки, я знал в совершенстве, так что это за отговорку не сойдет... Но... Да за что ж такое наказание-то?!

– Дорогая моя создательница, честно признайся – за что ты так не любишь свое Дитя?

– Милый, я тебя просто обожаю, и ты это знаешь. Просто... так нужно.

Я очень хорошо знал эту женщину, чтобы не догадаться:

– Ты мне рассказала не все!

– Не все, – голос ее стал задумчивым. – Алекс, есть кое-какие предположения, но я пока не хочу тебе о них говорить. Нужно, чтобы для начала ты сам посмотрел, определился. Управление считает этот вопрос очень важным.

– То есть ты это уже обсуждала с Управлением Тысячи?

– И даже с самим Главой. Они... все мы... очень заинте-

ресованы в том, чтобы наши догадки подтвердились. Но для этого нужен именно ты.

И до того, как я успел задать следующий вопрос, она прошептала привычно ласковое прощание и отключилась. Очевидно, что это было все, что мне положено знать на данный момент. Я очень не хотел ехать, но авторитет Аниты и ее мнения для меня был беспрекословен. Если она считает, что мне лучше самому во всем разобраться – значит, так и есть. И значит, кроме меня, никто с этим не разберется.

До отъезда я заглянул к своему талантливому художнику. Вкусил напоследок его замечательной крови, набрал пару пробирок на дорожку, стер воспоминания о себе и забрал все картины со своим изображением. До свидания, вкусняшка, не постарей тут слишком сильно без меня!

Картины я отправил Аните с запиской: «Злобная мачеха! Если меня убьют Волки или их любимые охотники, я тебе буду являться в цветных кошмарах вечность! Если я там сам умру со скуки, то... еще не придумал, как тебе отомстить! Люблю тебя. Алекс».

Настя

Тук. Тук. Тук. Тук.

Метроном должен был успокаивать, но он скорее раздражал.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Я развалилась в кресле кабинета психолога. Уже месяцев шесть дважды в неделю я слушаю этот треклятый метроном. Правда Игорь Петрович – мужчина лет сорока и, навскидку, с таким же стажем в психологии – мне действительно нравился. Думаю, без него я бы не справилась. Мне очень повезло, что мама обратилась к нему почти сразу после моей выписки из больницы. Физически я была здорова, но амнезия сильно напрягала. Это такое постоянно зудящее чувство собственной неполноценности, с которым невозможно ужиться самостоятельно. Он не помогал мне вспомнить, он помогал смириться с тем, что я не помню.

– Настя, как прошли последние несколько дней?

– В институте все отлично. Мне очень нравится то, что никто не знает про меня. Там все только познакомились, из моей школы никого в группе нет, пара человек поступила в тот же вуз, на другой факультет, и вряд ли они начнут всем подряд про это трепаться. Поэтому мои странности в глаза не бросаются. Последние месяцы в школе были невыносимы... Эти постоянные сочувственные взгляды, перешептывания. А тут ничего этого нет. Я как будто настоящий человек!

– Ты и есть настоящий человек. Общаешься со старыми друзьями?

– Не особо. Честно говоря, я вообще не понимаю, почему с ними дружила до...

До того, как все произошло. Но не было необходимости это пояснять.

– Тебе нравится учиться?

– Скорее да, чем нет. В мою пустую головешку надо вписывать хоть какую-то информацию, а тут прямо раздолье в этом вопросе. За это даже стипендию платят!

Игорь Петрович усмехнулся. После того случая я очень многое забыла. Когда немного оклемалась, то стала самостоятельно изучать школьный курс, заполняя пробелы. Мама мне даже репетитора наняла. Это позволило мне без проблем сдать выпускные экзамены. Выяснилось, что раньше я училась средне, а тут, благодаря своей амнезии, взялась за ум. Нет худа без добра, как говорится.

– Настя, тебе только исполнилось восемнадцать, ты юная и привлекательная девушка. Тебе нравится кто-то из мальчиков? Может, девочек? Я имею в виду сексуальный интерес.

Эту волынку он заводил уже не в первый раз.

– Ко мне явно проявляет интерес одноклассник. Денис его зовут. Пару раз проводил меня до дома...

– Так он нравится тебе?

– Наверное, да, – я всегда старалась отвечать Игорю Петровичу максимально честно. – Он симпатичный.

– Ты чувствуешь к нему влечение? Может, есть какие-то фантазии?

– Нет, – а что тут еще скажешь? Даже если надо успокоить любимого психолога, который мне за это время уже стал и другом, и братом, и отцом, и врачом. Правда, сдирал с моей

матери нехилую сумму за каждый сеанс. А чего ты, Настенька, хотела? Добро пожаловать в реальный мир.

– А к другим? Никогда? Ни разу? Может быть, к актеру или певцу? Это обычное дело для молодой девушки.

– Нет, – он что, хочет, чтобы я втюрилась в Джонни Деппа и лобзала по вечерам его плакаты?

– Настя, ты понимаешь, что это ненормально?

– А я-то думала, в лексиконе психолога нет слова «ненормально», – не удержалась я от издевки. Эта тема меня всегда выводила из себя.

Доктор вздохнул.

– Ты права. Но уже прошло столько времени... Очевидно, что это последствия той самой... травмы.

Это он про изнасилования моим папашей.

– Возможно. Наверное, я просто уже натрахалась на всю оставшуюся жизнь.

Игорь Петрович недовольно нахмурился.

– Попробуй с этим Денисом начать отношения. Не заставляй себя, конечно. Но если он тебе приятен, то, возможно, отношения с ним пробудят в тебе чувственность. От поцелуя ты не растаешь, как Снегурочка.

С чего вдруг такая уверенность? Денис даже не в курсе, что я с заскоками... то есть с амнезией. Будет расчудесно, если меня вдруг начнет бить нервной дрожью в самом процессе или наутро я его не узнаю. Но к этой теме так некстати захотелось добавить:

– Игорь Петрович, а помните, я говорила вам однажды о парне, которого встретила на улице почти сразу после выписки?

– Помню. Ты сказала, что как будто узнала его. Единственного, кто показался тебе знакомым.

– Да... Но он не узнал меня... Оказалось, что мы не были знакомы с ним до потери памяти. Я думаю, что раньше я знала или даже была влюблена в кого-то, похожего на него. Потому что это было... очень странное чувство.

– Тогда ты была еще совсем нестабильна. Вполне возможно, что это просто игра воображения или сознание тебе подсказывало что-то, что мы не можем расшифровать.

Наверное, так и есть.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Все началось, когда мне было семнадцать. Началось – в прямом смысле. Девять месяцев назад я очнулась в белой палате. Мне рассказали, что я ходила по морозу без верхней одежды и плакала, меня нашли какие-то знакомые и, поскольку я их не узнавала, меня отправили в больницу. Не обнаружив на моем теле никаких травм, перенаправили в психушку. Несколько месяцев анализов, проверок и бесед с докторами всех возможных рангов показали... что ничего не показали. Я просто потеряла память. Вся моя жизнь канула в небытие. К счастью, я могла разговаривать и умела читать. Еще я помнила содержание некоторых когда-то давно прочитанных книг, кое-что из школьного курса и смутно собы-

тия из детства, правда другие действующие лица этих событий так и не всплыли. То есть безмозглый овощ оказался не полностью безмозглым. Повезло. Наверное.

Когда ко мне в палату впустили женщину с опухшими от слез глазами, я сразу решила, что это моя мать. Не вспомнила, конечно, но догадалась. Именно так должны смотреть на своего ребенка матери, насколько я могла судить из своих тогда еще обрывочных представлениях о матерях. Она мне, в общем-то, сразу понравилась. Нормальная такая, понимающая тетка с мягкой улыбкой и бесконечным терпением. Если бы она оказалась посторонней женщиной, я бы самолично назначила ее своей мамой и попросила бы меня удочерить. Отца у меня, похоже, не было. Как и братьев с сестрами.

Гораздо позже меня посвятили в то, что я годами подвергалась насилию. Якобы я сама рассказала об этом матери, а на следующий день лишилась памяти. Психологи пришли к мысли, что таким образом мой рассудок избавился от страшных воспоминаний. Но зачем он заодно избавился и от всего остального – вопрос на миллион долларов. Вот такие игры разума.

Мама себя очень винила, да и до сих пор винит в произошедшем. Отчим жил с ней семь лет и, казалось, любил и ее, и ее дочь. Однако ж дочь он любил не совсем в том смысле, который вкладывала в это слово моя наивная мама. Но я ее не осуждала. Собственно, я и не помнила, за что конкретно ее осуждать. После того, как все выплыло наружу, отчима и

след простыл, а я даже не могла толком определиться – хочется ли мне, чтобы его поймали. Мама многое мне говорила о моей жизни и обо мне, показывала фотографии и старые школьные тетради. И единственное, что она никак не могла понять – почему я не рассказала об издевательствах раньше, почему столько времени молча терпела. Но с амнезией пропал ответ и на этот вопрос. Общаться с ней было легко, и я очень быстро привыкала к своей новой жизни. Благодаря ей и Игорю Петровичу, конечно. Небесплатному, но полезному человеку, который, пусть не сразу, но сумел достучаться до меня и заслужил безоговорочное доверие.

Никого, ни одного человека, я вспомнить не могла, поэтому заново знакомилась со своими близкими и не очень друзьями, одноклассниками, учителями и соседями по лестничной клетке. В общем-то, сложно было только в самом начале, а потом просто начала жить по новым правилам. Это не так уж и трудно, если старых не помнишь.

Вот только один эпизод не вписывался в общую картину. Случилось это весной, примерно полгода назад, несколько недель спустя после моей выписки из больницы. Я тогда уже одна ходила в школу, не опасаясь встретить кого-то из старых знакомых, кто не был в курсе моего... недуга. И тут увидела его – он просто стоял метрах в пятидесяти и смотрел в мою сторону. Направление моего пути вело прямо к нему, и, приближаясь, я не могла не заметить, что он не сводит с меня глаз. Первым делом я, естественно, решила, что он

один из тех, кого я знала раньше. Но появилось еще что-то, мелькнувшее где-то на краю сознания, заставившее, забыв смущение, подойти и остановиться перед ним.

Парень лет двадцати пяти, одетый легче, чем того требовала еще неустановившаяся весенняя погода. Совсем светлые волосы и карие, почти черные глаза. Такой контраст делал его внешность очень выразительной и запоминающейся. Возможно, именно поэтому он неокончательно стерся из моей пострадавшей памяти? Но красивое лицо выразило удивление.

– Я могу вам чем-то помочь?

Вопрос меня озадачил. Мы незнакомы? Боже, как стыдно... Но что-то меня останавливало от смущенного побега из неловкой ситуации. Я издали заметила его, сразу же уловила какую-то знакомую эмоцию. Неспроста же?

– Извините, – я все-таки покраснела, но заставила себя говорить. – Вы не знаете меня?

Удивленный изгиб брови превратился в насмешливый.

– А должен?

– Нет, но... – я застопорилась. Что сказать человеку, который и без того дал понять, что не знаком со мной?

Он попытался уйти. Я порывисто схватила его за локоть, заставляя остановиться и снова посмотреть на меня.

– Простите, пожалуйста, простите! Я, наверное, обозналась. Как вас зовут?

Парень улыбнулся. Может, он просто мне понравился?

Чисто психологическая реакция почти пустого сознания на привлекательную внешность, а я спутала ее с другими эмоциями? Нет, тут что-то не то!

– Послушайте, девушка, вы познакомиться со мной хотите? Так бы и сказали. Но мне неинтересны... дети.

Я продолжала держать его локоть:

– Как вас зовут? – не знаю, что придавало мне смелости, но почему-то очень не хотелось вот так его отпускать.

Он легко пожал плечами, но ответил:

– Алекс.

Нет, это имя мне ни о чем не говорило.

– Алексей? Александр? Саша?

Он поморщился недовольно.

– Угу, Саша, – сказал так, как будто ему противно собственное имя.

Нет, никаких ассоциаций. Он вдруг чуть приблизил лицо ко мне, как будто хотел приморозить зрачками к месту.

– Забудь, что видела меня.

– Что? – я от удивления отпустила его рукав. – Почему?

Он отпрянул, приоткрыл рот, словно хотел что-то еще добавить, но потом быстро развернулся и ушел.

Вот такой необычный Саша мне попался однажды. Мама с прояснением этого вопроса помочь так и не смогла. С тех пор я его не встречала, но и не забыла, как он зачем-то попросил.

Алекс

Это дело действительно оказалось странным. Сразу после приезда я приставил к ней одного из наших в качестве «психолога», поговорил с матерью и близкими друзьями, заставив их потом об этом забыть, но ничего сверхъестественного не обнаруживалось. До того момента, когда она сама подошла ко мне на улице. Сам факт, что она так целеустремленно идет по направлению ко мне, насторожил. До сих пор она нигде не могла меня видеть, я ее и сам-то видел пару раз... на фотографиях! Я впервые подошел так близко, чтобы самому на нее посмотреть. И тут она идет напрямиком в мои лапы... тьфу, клыки... тьфу, руки... тьфу, идет, короче. Настя оказалась очень красивым ребенком – большие зеленые глаза, светлые волосы – почти как у меня, когда я еще был человеком. Я даже слюну сглотнул. Если бы не обстоятельства, то я бы незамедлительно ее уговорил на постельку и перекус. Мой перекус, конечно. Потом бы стер память и отчалил, как будто так и было. И вот на «стер память» как раз и возникла загвоздка. Я, с моей безупречной способностью стирать память не только людям, но даже и вампирам, к такому проколу готов не был! Эта клуша не поддавалась одному из сильнейших Стирателей в мире. Да чего уж там, в Тысяче Сокола точно сильнейший. При этом никаких сомнений, что она – человек. От нее смердило смертностью. Кто-то из мо-

гущественных вампиров поставил ей защиту от нашего воздействия? А разве это возможно? И даже если кто-то на такое способен, то зачем?

Анита была права. В этой истории все не так просто.

Глава 2

Алекс

– Так, ладненько, чудесная Анита. Теперь я понял, почему меня отправили сначала сюда, а не вскрывать память ее отчиму, – я был раздражен тем, что все вокруг знали больше, чем я.

– И тебе привет, мой золотой мальчик! И почему же?

– На этой девице не работает моя способность!

– Что?! – казалось, она шокирована не меньше моего. –

Не работает?

– Нет. Но ведь ты это и раньше знала, ведь так? Меня сюда отправила именно ты, а значит, у тебя была причина.

– Нет, Алекс, не знала. Об этом чуть раньше сообщил Игорь – он никак не мог внушить ей необходимые эмоции на сеансах психотерапии, но твоя способность гораздо сильнее. Никто и не предполагал... Тебя не предупредили... для чистоты эксперимента. Ты уже разговаривал об этом с Игорем?

Естественно. Первым же делом после злополучной встречи стартанул к нему. Он мне вкратце рассказал о том, как заметил, что не может влиять на ее настроение. Но отнес это на счет того, что эмоции человека базируются непосредственно

на свойствах личности, в том числе и памяти. И поскольку именно с памятью у Насти проблемы, это могло бы объяснить, почему она так плохо восприимчива к внушению. Но все же сообщил об этом в Управление Тысячи. Хотя Игорь был уверен, что по мере накопления девушкой необходимой эмоциональной базы, вопрос сам собой решится. Он мог быть и ошибаться. Поэтому я чуть наклонился к нему, поймал зрачки и шепнул: «Забудь последние пять минут». Игорь моргнул и после этого удивленно вылупился на меня: «А ты как тут оказался?». Ну ладно, выяснилось, что проблема не во мне. Не знаю, как остальные, но один из Соколов сейчас явно почувствовал облегчение.

Я рассказал об этом Аните и добавил:

– Игорь начал работать с ней после моего приезда... То есть раньше вы не могли знать, что с девочкой что-то не так. Получается, у вас был еще какой-то резон, чтобы направить сюда меня.

– Алекс, об этом мы и правда не знали! Ты там по другой причине, – моя создательница задумалась. – И пока я не хочу тебе о ней говорить.

– Для чистоты эксперимента? – язвительно переспросил я.

– Именно, – Анита тихо рассмеялась, но тут же снова сосредоточилась. – Если честно, у меня нет никаких версий, почему вампирское внушение на ней не работает. Может, как сказал Игорь, это следствие амнезии? Тогда со временем

все восстановится... С другой стороны, это бы объяснило, как она вышла из-под внушения своего насильника... Короче, тут пока неясно. Давай о другом – как она тебе?

Меня этот вопрос озадачил.

– В каком смысле?

– Во всех, – Аните зачем-то нужно было мое мнение о какой-то смертной.

– Я б ее сожрал – факт, – я невольно вспомнил, как аппетитно она выглядела. – Симпатичная, наглая. Когда выясним все, что нам нужно, обязательно попробую на вкус ее наглость. Больше за наше короткое знакомство я ничего узнать не успел.

– И все?

Странно это как-то. Зачем ей такие подробности? Общую информацию о Насте они и без меня знали. Было и еще кое-что – какое-то мимолетное чувство, что я раньше ее где-то видел. Но я успел повстречать тысячи людей, вполне возможно, что натыкался на кого-то очень похожего. Так, эта информация бесполезная... Ну, тогда больше ничего. Поэтому вместо ответа я спросил:

– Мастер, Управление хочет ее обратить? – задав вопрос, я и сам изумился догадке. – Черт! У нее какая-то редкая способность? Блокировать внушение, например?

Анита призадумалась:

– Я о такой способности не слышала ни разу. Да и подождать надо, проверить.

– Тогда что?! Говори уже! – меня злило неведение.

– Любовь моя, – голос стал мягче. – Не впадай там в ярость по пустякам. Во-первых, мы и сами толком ничего не понимаем – для того туда тебя и направили, чтоб выяснить. Во-вторых, я пока не могу сказать тебе о своих предположениях. Потому что доказательств нет. Потом ты сам поймешь, почему я это скрыла. Пока просто поверь. Присмотришься к ней, возможно, именно ты увидишь то, что все объяснит. Или не увидишь – и все мои догадки окажутся пустым звуком. А после мы вместе с тобой над этим посмеемся.

– Нет, – я уже продумал свой следующий шаг. – Пусть Игорь проводит тут свою терапию, а мне надо поговорить с ее «папашей».

– Тогда ждем тебя в Нью-Йорке, – это прозвучало с искренней радостью. Да, мы ведь с ней уже несколько лет не виделись, а Мастер и Дитя не могут не скучать друг по другу. К тому же, вырваться из этого тухлого городишки этой тухлой страны хоть ненадолго я был бы рад. Омерзительный климат! Бр-р-р.

Наверное, я единственный в мире теплолюбивый вампир. Нет, я так же, как и мои собратья, слабею и теряю силы на открытом солнце, но мне нужно, чтобы оно просто было – пусть и за непроницаемыми шторами. И ночи предпочитаю теплые... испанские. Эх. Возможно, наш милейший насильник прольет свет на все страшные тайны, и меня отпустят на свободу. К художникам и скрипачам.

Перед отъездом я решил еще раз посмотреть на объект своих исследований, но на этот раз так, чтобы она не могла меня заметить. Настя шла по улице с подружкой из класса, которая увлеченно о чем-то рассказывала. А она так искренне смеялась... Так смеются только маленькие дети, счастливые в своем неведении. Могла бы она сейчас быть такой же беззаботной, если бы не забыла о том, что с ней случилось? Да, ей обо всем рассказали, но она не помнит всех подробностей, не помнит, какие эмоции переживала, как ей день за днем ломали психику, заставляли идти наперекор своей личности, уничтожали в ней человека. Именно сейчас, считая себя психически неполноценной, она на самом деле полностью здорова. Некто вылечил ее, дав шанс на нормальную жизнь. Я – вампир, а значит, не отличаюсь особой сентиментальностью. Но слыша ее смех, вдруг подумал, что не стану разблокировать ее память, если в этом не будет крайней нужды. А точнее, если Мастер не отдаст мне прямой приказ, который Дитя не может не исполнить. Пусть одна смертная девочка проживет одну нормальную короткую жизнь. Проблема всех изломанных людей не в том, что они пережили что-то страшное, а в том, что не могут этого забыть. Выходит, только моя способность может дать смертному второй шанс – что бы я с ним не сделал, могу удалить это из его воспоминаний, причем только один эпизод или короткий отрывок памяти, поэтому его характер и психика не пострадают. Ну, значит, если вдруг соберусь стать извращенцем, то у ме-

ня есть полное моральное оправдание. Жаль, что пока такой потребности не испытываю... Но дайте мне еще лет сто.

Я не мог всерьез осуждать ее «папашу», потому что наши творят со смертными вещи и похуже. Но отчего-то испытывал благодарность к тому, кто это прекратил. Но зачем он стер ей всю память? Новичок? Несанкционированный? Если ему была так дорога эта девчушка, что он решил вмешаться, то где он сейчас?

И снова возникло ощущение, что ее улыбка мне смутно знакома. Что-то давно забытое, а значит, не слишком важное. Как будто какой-то отголосок из раннего детства – только чувство, но никаких событий. А может, мне тоже стерли память? Я рассмеялся. Это было бы иронично! Но дело в том, что мой дар позволяет и разблокировать воспоминания, так что со мной такой номер бы не прошел. Мы с Анитой после Ритуала вдоль и поперек изучили, на что я способен.

* * *

Разблокировка – процесс гораздо более медленный и кропотливый, чем стирание.

Его зовут Пол, а в России он звался Павлом, и вот уже две недели мы с ним – самые близкие друзья. Я раньше не был знаком с ним, но увидев тут, в темном подвале впервые, сразу почувствовал неприязнь. Если мне удастся полностью привести его в норму, то товарища отпустят снова на воль-

ные хлеба – к другим детям и их мамочкам. И так будет продолжаться до тех пор, пока он не попадется на глаза какому-нибудь охотнику. Скорее всего, этого никогда не случится. В последнем случае произошло нечто, вышедшее за рамки, и только поэтому ситуация стала достоянием общности. Моя к нему антипатия была полностью иррациональна, она вытекала только из такой же иррациональной симпатии к его жертве. Может, именно поэтому я не спешил? И я мог бы быстро снять блок, но, вероятнее всего, Павлуша – мой закадычный враг – тут же окончательно бы спятил. Таким образом я бы избавился от незадачливого коллеги по цеху, но тем самым поставил бы под сомнение собственную компетенцию. Я еще не решил, чего хочу сам.

Удивительно было вот что – память его была стерта как-то беспорядочно. Почему у него остались отголоски воспоминаний о Насте, но ничего больше? Я бы сказал, что этот блок поставили... эмоционально, в каком-то порыве. Потому что логики проследить я не мог. Если бы этим занимался я, то в первую очередь, удалил бы то, что связано с девочкой, чтобы он больше не причинил ей вреда. Ну или полностью все, если желание отомстить было бы непреодолимым.

Прошупав некоторые эпизоды его жизни за последние десять лет, я не выявил ничего особенного. Оказалось, что наш милый педофил не был рецидивистом. Настя стала первой, на ком он сорвался. Я будто играл в игру, переворачивая некоторые карты, подсматривая, пропуская другие. И, ко-

нечно, Павел вспоминал те карты, которые я перевернул и рассказывал мне, что там под рубашкой.

Он хотел ее сразу. Еще когда она была совсем невинным ребенком. Но держался. А потом она вдруг так быстро стала взрослеть – на глазах становилась красивее, независимее, язвительнее и все больше отдалялась от него. Стоит сказать, что она относилась к нему как к отцу, любила и уважала, причем эти эмоции он ей не внушал. Я слушал и слушал, и если бы речь шла не о ней, я бы мог ему даже посочувствовать. Он рассказал, как сорвался впервые и внушил ей никому об этом не рассказывать. Она кричала и плакала – он заставил ее успокоиться. И не мог остановиться, хотя и жалел ребенка, который ему так доверял. Дальше становилось все хуже – всегда становится только хуже. Чувствуя безнаказанность, он придумывал все новые и новые извращения. Иногда ее рвало или она теряла сознание, и тогда он говорил себе, что это прекратится. Но не прекращалось. И самое худшее – она менялась. Не имея возможности никому рассказать, она замыкалась в себе, а однажды даже попыталась перерезать себе вены тонким лезвием, запершись в ванной. Не будь он вампиром, чувствующим запах крови за много метров, то не успел бы. Поняв, что ее нужно лучше контролировать, он теперь почти никогда не оставлял ее одну. А значит, и срывался чаще. Но зато теперь он мог следить и за тем, чтобы и окружающие не слишком сильно замечали ее изменения – он заставлял ее быть приветливой с матерью,

снова взяться за учебу, звонить друзьям.

Все это я узнавал постепенно, каждый день понемногу, оттягивая неизбежный момент развязки. Очевидно, я выбрал вариант, полностью приводящий его в норму. Но желание убить только увеличивалось. Я всего дважды видел этого ребенка и не мог представить, как такое живое, прекрасное существо постепенно превращается в робота, осознанно стремящегося только к смерти. Теперь мне стало даже неприятно от того, как я в первую нашу с ней встречу отметил, что хочу ее в сексуальном смысле. Как будто это чуть ли не уравнивало меня с этим... ничтожеством.

Анита мне сообщила о последнем отчете Игоря. Оказалось, что Настя стала поддаваться внушению эмоций. Он не давит на нее, но совершенно точно – результат есть. Теперь и терапия проходит куда успешнее – заставляя ее быть более откровенной и отвлекая от грустных мыслей, Игорь помогает ей легче принимать события и свою нестандартную жизнь. Так, значит, с этим все в порядке – она становится обычным человеком с их обычными слабостями перед нами. Раз тут не осталось непонятого, дело только за мной. И я снова направился к своему узнику – сегодня я узнаю, что же с ним произошло в самом конце.

Разблокировав последний участок памяти, я услышал:

– Она привычно плакала, зажимая рот рукой, но внезапно взбеленилась! Вскочила и начала кричать так, что на улице было слышно. Отпихивала меня и орала – бессвязно, но

очень громко. Я внушил ей успокоиться, я давно привык призывать ее к подчинению, но тут это впервые не сработало. Я подумал тогда, что внушал ей слишком часто – она выработала какой-то иммунитет. Но это произошло резко, за одну секунду. Вот она – податливая, как обычно, и вот – фурия, расцарапывающая мне лицо.

– Никого в доме, кроме вас, не было? – ответ и так был ясен, но стоило уточнить.

– Конечно, нет. Я, к твоему сведению, вампир, мне почти двести лет! Я бы почувствовал чужое присутствие!

– И что было дальше?

Он перешел на очередные воспоминания и говорил, как будто читал с листа:

– Конечно, вреда она мне причинить не могла. Но впадала все в большую и большую истерику. Я боялся, что она навредит себе... Я любил ее! Больше жизни любил и хотел! Я не мог позволить... И тогда я схватил ее за плечи и начал трясти, пытаюсь привести в себя. Уже не стараясь внушить, а просто, по-человечески, успокоить. «Настя, Настенька!» – кричал ей в лицо и наконец-то докричался. Она замерла, потом долго думала – я не прерывал, а затем посмотрела мне в глаза и сказала сквозь слезы: «Ненавижу. Ненавижу и хочу, чтобы ты сдох. Чтобы ты мучился. Чтобы сам захотел сдохнуть». Я впервые слышал от нее то, о чем она все это время думала, но все же пытался оправдаться: «Прости меня, прости! Настя! Я могу помочь тебе. Я больше не притронусь к

тебе и позову того, кто поможет тебе все забыть!», а она: «Я хочу, чтобы ты сам все забыл. Все! Я хочу, чтобы ты почувствовал себя ничтожеством». И потом пустота.

Я прижался к холодной стене, а потом сполз вниз. Ну ни-хренашеньки! Она сама стерла ему память! А оставленные обрывки можно списать на ее эмоциональный настрой. Способности обычно проявляются только после Ритуала обращения, но ее нервный срыв выявил их раньше. Да, иногда так бывает, но не в такой мощности. Похоже, она дошла до ручки.

Остановил жестом Пола, который пытался что-то еще сказать. Мне надо самому собраться с мыслями. А мыслей слишком много. И чем больше их, тем яснее картина. У смертной есть моя способность, издеательства обострили ее до предела. Вряд ли она еще способна на такой эмоциональный взрыв до Ритуала, но один раз это сработало. Нестандартная, но объяснимая ситуация. Теперь ее точно захотят обратить – таких людей специально отслеживают по кровным линиям, ищут по всему миру, она точно нужна нам. Теперь в Тысяче Сокола нас таких несравненных станет двое. Мне эта мысль показалась приятной, но потом всплыло кое-что еще... Святые гондурасы. Я понял! Вот почему Анита отправила туда именно меня.

У Насти волосы светлые. Почти такие же, как были у меня, когда я еще был человеком. Нет, точно такие же. После Ритуала мои волосы стали светлее, а глаза – темнее. У меня

не было братьев и сестер, и я не знал, что у меня были дети. Почему я об этом никогда не задумывался? Сексом я к своим двадцати пяти годам уже пресытился, а с контрацепцией тогда было напряженно. А как еще могла сложиться моя жизнь? Я был красивым, молодым, подающим надежды актером в Лондонском театре. Внимание женщин получал с тех пор, как себя помню. К моменту моего знакомства с Анитой мне уже порядком надоели и женщины, и выпивка, и карты, именно поэтому на ее предложение я согласился сразу же, когда уверовал в существование бессмертных. И даже ее предостережения по поводу того, что вампиры теряют вкус к жизни и со временем от этого становятся безумными, меня не остановили. Я уже потерял вкус, а тут мне предлагают новый мир. И если он меня не устроит, то я могу прекратить свое брэнное существование в любой момент, когда оно перестанет меня радовать. Мы с Анитой были любовниками еще пару десятилетий после моего обращения, но даже такая сильная страсть со временем проходит. Сейчас я уже практически не испытываю ее, получая наслаждение от других аспектов вампирской жизни. А, нет, кое-что недавно мелькнуло... К Насте. Моей прапраправнучке. А я до сих пор считал себя счастливчиком.

– Как ты узнала? – спросил я у своего Мастера.

– Так это правда? – она удивленными взглядом сопроводила мой кивок. – Алекс, но ведь это замечательно! Девочка повзрослеет, пройдет Ритуал. Нам очень повезло! Всей Ты-

сяче повезло!

Я, не глядя ей в глаза, снова кивнул и переспросил:

– Так как ты узнала?

Анита задумалась:

– Я и не узнала, просто смутная догадка. Женская интуиция, так сказать. Я ведь помню, каким ты был до Ритуала, и когда увидела ее лицо, решила, что вы похожи. И вся эта история с полным стиранием памяти... Ведь такой дар – исключительная редкость, так что о кровной связи с тобой мысль пришла первой. Понимаешь, почему я тебе сразу не сказала?

– Да, – я действительно понимал. – Никаких доказательств нет, родословную линию проследить уже невозможно. Единственное доказательство – если я сам бы это понял. И что теперь?

Моя прекрасная собеседница оживилась:

– Теперь-то понятно что! Она точно Стиратель, поэтому со временем мы ей предложим Ритуал. Она пока молода, пусть подрастет. За ней просто кто-то должен приглядывать. Уверена, что ты сам захочешь это сделать.

– Не захочу, – мое настроение достигло дна. – Там Игорь, пришлите еще кого-нибудь. Я возвращаюсь в Испанию и буду там, пока не понадобится, если позволит моя госпожа, – получилось чуть более язвительно, чем я хотел. – У нас несколько лет впереди, мне незачем безвылазно сидеть при ней.

Анита недоуменно пожала плечами и согласилась с моим решением. Я уже выходил из комнаты, когда услышал еще один вопрос:

– Алекс! Но кто стер память самой Насте?

– Она сама, – я повернулся, поясняя. – Психовала, рыдала, убивалась, а потом подошла к зеркалу и сказала что-нибудь типа: «Не хочу помнить». И все. Это работает, если действительно этого захотеть.

Анита прищурилась:

– Значит, и разблокировать воспоминания она тоже может сама?

– Может. Но вряд ли этого захочет.

Настя

Тук. Тук. Тук. Тук.

– Как долго ты уже встречаешься с Денисом?

– М-м-м... Месяца три примерно.

– И дальше поцелуев у вас дело не заходило?

– Нет, – я почувствовала раздражение, но быстро успокоилась. Игорь Петрович всегда так действовал на меня. Не знаю, с кем еще я могла бы быть настолько откровенной. – Но я думаю, что уже вполне готова... пойти дальше. Он мне на самом деле очень нравится! Заботливый, внимательный и веселый. Я хочу идти дальше!

– Я рад, – Игорь Петрович улыбался редко, и такие мо-

МЕНТЫ СТОИЛО ЦЕНИТЬ.

Глава 3

Алекс

Все-таки я счастливчик. Не то, чтобы я сразу забыл о своей поездке, но и не мучился долго депрессией. Мне понравилась не Настя – она и не могла мне настолько сильно понравиться за такое короткое время – мне понравилась частичка меня в ней, неуловимое ощущение близости. Ее улыбка. Наверное, так мама улыбалась. Я этого не помню, но, по крайней мере, теперь точно понимаю, откуда всплыли те приятные эмоции. Вообще-то удивительно, что через столько поколений она частично унаследовала внешнее сходство. Именно это и привлекло мое внимание, хотя сразу понять это было невозможно. Ха! Симпатия к самому себе! Извращенно и эгоистично, но с психологической точки зрения объяснимо. А уж в мой характер вписывается просто идеально.

Таким образом, та история для меня закончилась. Возможно, после Ритуала мне придется встретиться с ней и объяснить, как пользоваться нашей способностью. Но поскольку в свое время я обошелся без такой помощи, то и она вполне сможет справиться. Однако ж на самом Ритуале я обязательно

но буду присутствовать! Многим ли из нас выпадает такая удача – встретить своего родственника, да еще и того, кто войдет в ту же Тысячу? Да, я определенно счастливчик.

В Настином деле остался только один неразрешенный вопрос – как она вышла из-под внушения Пола? Объяснение Игоря не подходило, так как теперь было понятно, что она это сделала до собственной амнезии. В связи с этим я начал наводить справки о всех возможных способностях, которые когда-либо встречались в нашей и человеческой истории. И обнаружил, что ответа нет. Невосприимчивы к вампирскому внушению только Геммные вампиры и охотники. Никаких исключений. Никогда. Значит, оставалось только одно возможное объяснение – сам Пол, хоть у него и достаточно сильная способность, в тот момент почему-то не справился. Возможно, муки совести? Кстати, о нем. Я сам привел его в полный порядок, поэтому моего подопытного отпустили. Правда, выслали на другой конец света и грозно потрясли пальчиком перед носом. В этом не было ничего удивительного – у Пола очень мощный дар воздействия на эмоции, а мы такими талантливymi насильниками не разбрасываемся. Никто, включая меня и всех моих друзей, не смог бы так долго держать жертву в подчинении. А ценность вампира для Тысячи зависит, в первую очередь, от силы его способностей. Так что казнить его за такой небольшой огрех в биографии никто и не думал.

Проходил месяц за месяцем, а я наслаждался своей

нежизнью, сменив уже двух художников, одну скрипачку и перейдя на флейтистку. А потом стало не до того. Вампирское сообщество потрясла страшная новость – в Тысяче Волка появились два Геммных вампира со способностью Императора – уникальным даром абсолютного внушения. Закрепив Гемму, эти двое многократно увеличили свою силу, и тем самым положили начало конца нашего мира. Грядет Вторая Война. Это невозможно предотвратить, можно только готовиться к тому, что до безумия ты уже не доживешь. Мы вряд ли сможем остановить Волков, но будем стоять до последнего. Тысяча Сокола уже ведет переговоры с Управлениями других Тысяч, и мало кто отказывается вступить в антиволчью коалицию. Только трусы, но и они находятся. Первой откликнулась на призыв к объединению Тысяча Змей. Оказалось, что именно они пытались заранее предотвратить надвигающуюся катастрофу. Но не смогли. Волки на своей территории объединились с охотниками и смогли защищать тех двоих, пока не подготовили свое самое мощное оружие. А теперь... поздно.

Конечно, вампиры все в какой-то степени животные, мы жестоки и циничны по своей природе. Но даже среди нас находятся самые худшие. И это Волки. Беспринципные, подлые, неконтролируемые звери. Именно они больше восьмидесяти лет назад начали Войну Тысяч. Мне удалось пережить ее, хотя тогда и десяти лет не прошло с моего обращения. И это было страшно. Да, нам тоже бывает страшно. И

тоже больно видеть, как умирают друзья и близкие. Очень многие погибли, кто-то потерял Детей, кто-то – Мастеров, кто-то – любимых. Просто так. Ни за что. А Волки, как и в этот раз, готовились к Войне Тысяч заранее, тренировали Бойцов, планировали внезапное нападение. И это позволило им получить значительный перевес. Их основная способность – подлость. Почему Император и охотники после победы не стерли с лица земли каждого из этих тварей – загадка. И вот получайте последствия своего неразумного милосердия. Вторая Война будет идти совсем по другим правилам. По волчьим правилам.

Каким будет мир, если они победят? Хорошо, что я вряд ли доживу, чтобы это увидеть. Именно Волки ввели в наше сообщество все самые мерзкие традиции. Например, держать людей в подвалах, где наши полубезумные старики удовлетворяют свои самые извращенные потребности. Закон разрешает наказывать тех людей, преступления которых доказаны, поэтому охотники закрывают глаза на эти зверства. Да, эти смертные – преступники, но неужели каждый из них заслужил такое? Ох, если бы мои мысли сейчас могли прочитать, то с позором бы изгнали за лояльность к низшей расе. Но это не совсем то. Я против этой традиции не из-за людей, а из-за вампиров – если дать себе моральное право творить то, что вздумается, то потом будет хотеться только большего. Это не спасение от безумия, это само оно и есть. Нельзя остановить сумасшествие, погружаясь в него. Пример Пола

и Насти – наглядное тому подтверждение.

И теперь назревает новая буря. Способность пары Геммных Волков абсолютна: они могут внушить любому – будь то вампир, человек или охотник – сделать все, что угодно. При этом один из этой пары больных ублюдков – возможно, самый сильный Боец на планете. Закрепив Гемму и многократно усилив способности Бойца и Императора, они стали фактически непобедимы. Противостоять им в личной схватке просто невозможно, но все же кое-что мы можем им противопоставить. Если моя способность и раньше была ценной, то теперь она становилась единственным лекарством. Только такие, как я, могут снять абсолютное внушение, просто вытравив его из памяти. Это значит, что тех, кто выйдет живым из-под их влияния и попадет под мое, я смогу спасти. Но рано или поздно Волки начнут тотальное истребление всех, кто им противостоит. А мы, Стиратели, будем стоять на последней линии обороны, защищая наш хрупкий мир от полного уничтожения. Но нас катастрофически мало. В Тысячах, которые станут нашими союзниками, вампиры со способностью стирать память бессмертным готовятся к созданию Детей. Ведь это один из способов передать дар другим, кроме кровного родства. Правда работает он только в том случае, если Мастер не слишком юн, что ко мне не относится, ведь мне не исполнилось еще и сотни лет. Шанс передать способность в моем возрасте ничтожно мал, поэтому наше Управление решило пока отложить этот вариант и готовит-

ся к созданию Бойцов. Ген Бойца передается абсолютному большинству вампиров после Ритуала, кроме того, обращения будут проводить только зрелые Мастера с сильнейшими способностями. Это стратегически правильное решение. На Войне в первую очередь нужны Бойцы. Именно их руками можно будет доставлять тех, кто подвергся внушению, к Стирателям на излечение.

В свете последних событий я еще до звонка Аниты знал, что должен буду делать. Никто не представлял, когда Вторая Война начнется, но весь мир вампиров и охотников уже готовился к ней, выбирая сторону – диктатура Волков или свобода. Я не выбирал. Соколы никогда не были трусами. Но Волки не спешили наносить первый удар. Возможно, у нас еще есть несколько лет мира.

– Золотой мой мальчик, как ты? Еще не надоела Испания?

– Милая, разве она может надоест?

– Ты знаешь, что происходит. Настина способность нам теперь нужна, как никогда.

– Да. Уже собираюсь в поездку, – я принял это решение еще раньше. Тут не было вариантов.

– Ты не едешь! – ее ответ меня, мягко говоря, изумил.

– Анита?

– Любовь моя, лучше этим заняться кому-то другому. Вас всего двое, слишком опасно находиться вам вместе, тем более в такой близости от Волков... Сейчас такая ситуация, что лучше бы тебе оставаться в Мадриде.

– Ты переживаешь за меня? – я улыбнулся этой мысли.

– Придурок! Конечно, переживаю! – она выдала каплю раздражения. – И уже ненавижу эту Настю, которая никак не хочет переезжать оттуда. Ведет себя... как недвижимость!

Я рассмеялся:

– А вы пытались?

– Конечно, – она обреченно вздохнула. – Игорь всячески ее убеждал, что ей неплохо было бы сменить обстановку, мы устроили для ее матери перевод по работе с высоченной зарплатой и сумасшедшей карьерой. Но эти две курицы просто уперлись – не хотим ехать в другую страну и все тут! А в России Волки повсюду! Единственное, что удалось Игорю – уговорить Настю начать изучать английский. Такими темпами она через пару столетий согласится переехать на соседнюю улицу... Мы не можем их заставить, не раскрывая карт, ты знаешь! И не можем насильно увезти оттуда девчонку, потому что для успешного Ритуала ее отношение к нам сыграет важную роль.

Да, если смертный не согласен добровольно на Ритуал, то связь с Мастером не установится. А это значит, что вместо Сокола с уникальной способностью мы получим обезумевшее от жажды животное. Похищение вряд ли добавит любви к нам. Изначально надо завоевать ее доверие, заставить самой захотеть присоединиться к нам.

– Я поеду сам, – принятое решение было непоколебимо. – Анита, я потенциально ближе к ней, чем остальные, и у нас

одинаковая способность! Если понадобится уговаривать ее очень быстро, если Война начнется раньше, чем мы ожидаем, то у кого больше шансов достучаться до нее? Кроме того, ее мать тоже может быть моей наследницей – ведь мы не знаем, через кого из родителей идет моя кровная линия. И если это так, то она нам тоже нужна.

Анита задумалась:

– В общем-то, ты прав. Но почему ты вдруг захотел ехать? Столько времени она тебя не интересовала и неожиданно такой порыв.

– Потому что ситуация изменилась, потому что теперь она в большей опасности, чем раньше, и... – я замешкался, но все же решил добавить: – Она моя родня.

Это слово в вампирском лексиконе встречалось нечасто. Я надеялся, оно послужит достаточным аргументом. И послужило, потому что последовала напутственная монотонная речевка:

– Алекс, ее пока нельзя обращать. Тысяча Сокола – полная, это будет нарушением Закона. Иначе ее признают несанкционированной и убьют охотники. Не пей ее кровь, потому что пока неизвестно, кто станет ее Мастером. Держись поближе, чтоб она тебе начала доверять. Узнай ценность для нас ее матери. А лучше всего – уговори их переехать в Мадрид. Или в Америку. Да в любую другую страну, где поменьше Волков и побольше нормальных вампиров! Пока не рассказывай ей о нас – напугаешь, но будь готов.

Если начнется Война – действовать придется быстро...

– Мастер, – я больше не мог слушать настолько очевидных вещей, – ты такого низкого мнения о моих умственных способностях?

Анита, не обращая на мои слова внимания, продолжала:

– Алекс, если что-то пойдет не так, спасайся любой ценой. Убей ее и сваливай отсюда. Она не должна достаться врагам! Если появятся охотники... Если Волки...

– Моя милая создательница, – перебил я ее со смехом, – не волнуйся за меня так сильно!

– Ага, – даже по ее тону слышалось, как она обиженно поджимает губы, – вот когда у тебя будут свои Дети, тогда ты поймешь!

Я заржал в полный голос. Мамочки – они такие! Хоть человеческие, хоть вампирские, хоть... тьфу на них... охотничьи. Эту фразу уж точно произносит своим чадам каждая из них.

Мы с Игорем разработали стратегию моего внедрения в Настину жизнь. Мне нужно иметь возможность постоянно общаться с ней. Поступить снова в институт я уж точно не хотел. После Гардварда и Сорбонны в захолустном вузе я бы умер со скуки. В преподаватели подаваться тоже не было особого желания. Лучшей моей идеей было стать соседом по подъезду, но тут возникала сложность, связанная с устранением кого-то из настоящих ее соседей. Игорь сам мне подкинул идею стать ее репетитором по английскому. Ну что ж,

меня это устраивало. Вот пусть он нас и знакомит. Настя ему доверяет, с его подачи ей будет легче впустить меня в свою жизнь.

Настя

Когда Игорь Петрович вышел из кабинета, я вскочила со своего кресла и подбежала к столу, где стоял метроном. Пальцем остановила стрелку и погрузилась в долгожданную упоительную тишину. Потом быстро заняла свое место, притворившись, что ничего не случилось.

– Я бы сам это сделал, если бы ты просто попросила, – заметил мой психолог, войдя в кабинет. Намекая на остановленный метроном, конечно. Мог бы сделать вид, что не заметил!

Я задумалась. Действительно, а почему я об этом просто не попросила? Каждый раз, когда мое раздражение от этого «Тук тук тук тук» достигало апогея, я почему-то успокаивалась и отвлекалась на другие мысли. Игорь Петрович был гениальным психологом, без натяжки. Он как будто по мановению волшебной палочки менял мое настроение на нужное. Вот так метроном и оказался случайно ни разу не упомянутым. Но сейчас, когда доктор ненадолго покинул меня, мне наконец-то удалось в достаточной степени сосредоточиться на мерзком звуке.

– Я могла бы и вообще отломать ему стрелку. Или вы-

швырнуть в окно, – ответила я. Оправдываться – не очень-то вписывается в мою натуру.

– И правда, – он слегка улыбался. – Спасибо, что не сделала этого!

– Пожалуйста, – великодушно ответила я. Мы понимали друг друга с полуслова. И мне нравились наши сеансы, хотя теперь я посещала их гораздо реже.

Мы уже обсудили мою личную жизнь, учебу и все остальное. На самом деле, психотерапия мне уже не особо требовалась. С несчастного случая прошел уже год, я полностью восстановилась, накопила новые воспоминания и совсем не скучала по старым. Но оставалась одна малю-ю-ю-ю-юсенькая проблемка. Не проблемка даже – проблемусечка. Но оставалась. Гребаная проблемусечка. Так вот, я все никак не могла решиться на интимные отношения с моим парнем, и теперь уже просто ждала, когда же он не выдержит и бросит меня. Собственно, эта причина еще и заставляла меня не прекращать визиты к психологу. К тому же, мою маму внезапно повысили, не забыв повысить и заработную плату. И уж теперь она точно могла позволить своей единственной дочери даже пару десятков психологов.

Надо заметить, что этот рост по карьерной лестнице был для нее полной неожиданностью. Сначала ей ни с того ни с сего предлагают переехать в Нью-Йорк – и это само по себе звучало дико. Из какого-то провинциального городишки среднестатистического бухгалтера зовут в какую-то корпора-

цию в другой стране! Это было настолько абсурдно, что она просто не решилась согласиться. Да к тому же ни я, ни она даже по-английски не говорим! И после ее отказа директор добивает ее повышением тут, без необходимости уезжать. Когда жизнь подкидывает такие подарки, даже и не знаешь, радоваться или на всякий случай напрягаться. Мы с мамой сделали и то, и другое. Но зато теперь уж точно не испытывали нужды в деньгах.

– Чего ты боишься? – в очередной раз спросил Игорь Петрович.

Я вздохнула и ответила. В очередной раз.

– Боюсь, что начну неадекватно реагировать... напугаю его. Денис ведь даже не знает, что со мной случилось. Он, наверное, считает меня странной – иногда смеется над тем, что я не смотрела какие-то фильмы, которые должна бы была неизбежно посмотреть в детстве, иногда удивляется, что я мало рассказываю о школе или событиях до поступления в институт. Но это все ерунда. А вот если я вдруг начну орать белугой, когда он мне залезет в трусы – уже не ерунда. И я ведь даже не знаю, начну ли орать! Тут много всего... Игорь Петрович, ну вы же и так все знаете!

– Знаю, – подтвердил врач. – Настя, если ты не хочешь, то ни в коем случае не заставляй себя!

– В том-то и дело, что хочу, – мы постоянно возвращались к этому разговору, но света в конце тоннеля так и не видели. – Мне очень повезло с Денисом, и за эти пять меся-

цев я ни разу не пожалела, что начала встречаться с ним. Он просто лучший! И даже то, что так долго ждет секса, тоже характеризует его с положительной стороны. Он настолько меня во всем устраивает, что я...

– Ты любишь его? – Игорь Петрович перебил меня, а он себе такого никогда не позволял.

Пришлось задуматься. Я часто рассказывала ему о Денисе, но это слово не использовала.

– Думаю, да. Если мы расстанемся, мне будет больно. Когда он рядом, мне хорошо и спокойно. И еще я настолько хочу быть с ним, что готова тут в вашем обществе бороться со своими фобиями, – поймала ироничную усмешку своего собеседника и закончила: – Если бы не мое отношение к нему, я бы уже давно опустила руки. Так что если это не любовь, тогда я и не знаю, что такое любовь.

Игорь Петрович задумчиво качал головой.

– Настя... Твои страхи абсолютно беспочвенны. Если бы ты помнила хоть что-то, то тут бы твои фобии и расцвели маковым цветом. Но ты не помнишь!

– А может, я боюсь вспомнить? – он направил на меня пристальный взгляд. – Игорь Петрович, сменим тему?

Он кивнул и вновь уселся в свое кресло.

– Я как раз хотел с тобой кое о чем поговорить. Помнишь, ты хотела начать изучать английский язык?

Да, по его же совету. Когда я рассказала о том, что маме предлагали работу в США, он сразу заметил, что знание

языка мне пригодится в жизни. К тому же, у такого обучения есть и очень важный побочный эффект – тренировка интеллекта и памяти. Сейчас, в связи с моим отклонением, информация в моей голове усваивается гораздо легче, поэтому самое время вкладывать в нее все полезные навыки.

– Не просто помню, а уже начала! Мама наняла мне репетитора – такого классного стариканчика. Он даже почти не хохотал на весь дом, когда я впервые ему читала английский текст!

– Наняла?! – казалось, Игорь Петрович крайне возмущен услышанным, что меня озадачило.

– Э-э-э... – я растерялась. – А что?

Он тут же будто взял себя в руки и произнес с мягкой улыбкой:

– Да нет, я тут просто целую стратегию разработал... А ты мне все карты смешала, – оценив мое удивление, доктор решил пояснить. – У меня пациент есть, он как раз ищет работу репетитора.

– Он отстегивает вам за поставку клиентов, что ли? – съязвила я.

– А это интересная мысль! – психолог рассмеялся. – Нет. Я просто подумал, что вы с ним легко найдете общий язык.

– Потому что оба – психи?

– Именно поэтому, – что мне нравится в этом мужике – так это то, что перед ним не надо притворяться и выбирать слова. – Но раз ты уже нашла себе подходящего репетито-

ра, то этот вопрос снимается. Однако ж, Настя, я все равно хотел бы вас познакомить... Он придет минут через десять. Дождешься?

– Зачем?

– Потому что психам надо обзаводиться знакомыми среди психов! – ну точно, совершенно нормальный мужик. По крайней мере, ко мне он подход нашел.

Поэтому я согласилась. А когда увидела своего несостоявшегося репетитора, то онемела. Высокий, светловолосый, а глаза при этом почти черные. Я встречалась с ним однажды, еще прошлой весной, почти сразу после выписки, но сразу узнала.

– Алекс, проходи! – улыбаясь, шагнул к нему наш общий доктор.

– Привет, Игорь, – он пожал протянутую руку.

Стоп, просто Игорь? Да этот Игорь старше тебя в два раза! Никакого уважения!

– Петрович, – смущенно поправил психолог.

– Петрович? – искренне изумился его пациент и добавил примирительное: – Лады.

Вот это я понимаю – псих. А не то, что я. Стараясь скрыть неловкость, психолог повернулся ко мне:

– Знакомься, это Настя.

Парень тоже узнал меня! На его лице отразилось неподдельное удивление. Но я уже собралась, отойдя от первого шока:

– Мы встречались как-то на улице. Я вас помню. Саша!

– Угу, Саша, – он скривился точно так же, как и при нашей первой встрече. – Так что, тебе нужен репетитор?

– Уже нет, мама нашла другого, извините, – честно говоря, я себе этого парня в качестве репетитора вообще не представляла.

Он, кажется, совершенно не расстроился отказу и сказал:

– Можно на «ты». Я ненамного старше. На всякий случай дам тебе свой номер, мало ли.

Я потянулась за сумкой, чтобы достать свой телефон, но замерла в удивлении, наблюдая, как Саша быстро подошел к столу психолога, взял его блокнот, в котором тот постоянно что-то записывал на сеансах, открыл, вырвал лист, огляделся в поисках ручки и, найдя таковую там же, начал писать на нем цифры. Это не просто наглость, это какая-то сверхспособность! Я аж восхитилась. Игорь Петрович вытаращил на него глаза, молча призывая прекратить такое поведение. Заметив и оценив этот осуждающий взгляд, парень застыл и произнес:

– Ауч... – потом очень качественно изобразил стыд и добавил: – Сорри... Петрович.

Я не выдержала и расхохоталась. Приняв из его рук листок с номером телефона, заметила:

– Ну, во всяком случае, понятно, от чего ты тут лечишься!

Он удивленно изогнул бровь, ожидая пояснения.

– От отсутствия комплексов!

Парень среагировал мгновенно:

– Ошибаешься! Однажды на меня прямо на улице набросилась... ты. И с тех пор я плохо сплю. От этого и лечусь.

Он был очень красив, а когда вот так улыбался, то просто завораживал. В нашу первую встречу я решила, что знакома с ним, но теперь поняла – нет, видимо, мое сознание среагировало на его внешность, желая, чтобы я была с ним знакома. Но теперь все по-другому. Тогда я была психически нестабильна, слишком восприимчива и не любила Дениса. А сейчас могу смотреть на него объективно – очень странный, яркий, самодовольный, привлекательный псих. Хорошо, что мама нашла репетитора заранее.

– Приятно было познакомиться, – я решила, что нашу встречу на этом можно и закончить. – До свидания, Игорь Петрович. До свидания, Саша. Лечи свою бессонницу.

– Позвони мне, если вдруг твой репетитор... куда-нибудь денется.

– Обязательно! – заверила я и направилась к выходу.

Глава 4

Алекс

– Тебе нужно научиться вести себя не так вызывающе! – заявил Игорь, когда дверь за Настей закрылась. Я про себя отметил, как она изменилась за тот год, что ее не видел. Стала еще красивее и выглядит куда вкуснее. Возможно, Анита не зря подчеркивала, что ее кровь неприкосновенна, а то не ровен час и подзабудешь о такой мелочи.

Я только отмахнулся.

– Да брось! Я был очарователен!

– Сразу видно, что ты не привык жить в местах, где нет больших сообществ вампиров. Когда будешь общаться с ее мамой, постарайся вести себя более сдержанно.

– Да, не привык! Я вообще не понимаю, как тут можно выживать! Вот, например, чем ты питаешься? Я-то понятно – у меня способность, так что меня не раскроют. Дмитрий, – это был третий вампир, который кроме нас с Игорем, жил в этом городе. Тот самый, который обнаружил Пола в беспмятстве, – сожительствует с одной мадамой и пожевывает ее запястье по ночам. Нежненько так, внушая успокоение, так что она толком ничего и не понимает. А ты-то что ешь? Ты

с кем-то живешь?

Игорь заметно смутился:

– Животные... и кое-какие запасы. Легко справляюсь с трудностями и с радостью служу своей Тысяче в этом прекрасном городе. Короче, я голодный, как Волк! – его глаза лихорадочно заблестели. – Алекс, помоги, дружище! У меня сейчас клиент придет – я совсем немного пригублю, а ты его заставишь забыть. А? А то я скоро свихнусь от голода.

Я понимающе похлопал его по плечу.

– Конечно, дружище! Так вот, мне нужен домик, можно коттедж этажа на два-три и машина. Сойдет любой немец. И пара уроков этикета, раз я оказался не таким очаровательным, как все это время думал.

Он совершенно не удивился моему шантажу и только облегченно выдохнул:

– Все? Считай, что уже сделано!

– Все. Считай, что ты сегодня наконец-то сможешь нормально поесть, – я, конечно, мог и сам решить вопросы с жильем, но у меня были и другие дела. – Игорь, ты тут уже больше года. Как ты все это терпишь? Недостаток крови, этих людей, эту страну?

– Мне хорошо тут. Я даже собаку себе завел – маленькую такую, звонкую, неугомонную. Но она умерла в прошлом месяце...

– От потери крови? – уточнил я со смехом.

– Да, – он погрустнел. – И знаешь, я даже расплакался.

Она такая глупая была, но... как будто я друга своего убил. Не рассчитал силы и вот...

Что тут скажешь? Я на людях-то не единожды «не рассчитывал силы», на собаках пока не пробовал. А Игорь добавил, видимо, решив сменить тему:

– А насчет страны... Ты не забыл, что я – русский? Я жил в Москве до Ритуала, был, между прочим, неплохим врачом. Меня обратили уже после Войны Тысяч, им нужны были специалисты моего уровня, да еще и с возможностью обеспечивать поставки крови... Я поколесил по миру, но только в России чувствую себя как дома. Тут просто хорошо, как нигде. И ты со временем это поймешь.

– Надеюсь, не успею.

До сих пор я жил в России совсем немного. Мы тогда путешествовали с Анитой. Способность к языкам я унаследовал от нее после Ритуала, поэтому речью выдать себя не мог. Но все остальное мне было непонятно и неприятно. В Европе люди совсем другие – не такие замкнутые и забитые. Хотя... если учесть, что общался я, в основном, только с творческими натурами – это можно было объяснить и не принадлежностью к какой-то национальности. Гении вообще не терпят границ в сознании, их мышление никогда не бывает коридорным. Это и объясняет тот факт, что среди талантов часто попадаются шизофреники, люди с разными странностями, геи и прочее «отребье», которое не вписывается в понимание «коридорного» смертного. И они все по-своему

интересны. Не удержавшись, грустно вздохнул, вспомнив о своей последней флейтистке. Мы с ней даже сексом ни разу не занимались. Много разговаривали, она играла на флейте, а я ее ел. Чудесный период.

Тем временем Игорь продолжал:

– И наш язык – великий и могучий. Это-то ты должен оценить!

Пришлось отвлечься от приятных воспоминаний:

– Я бы оценил! Если бы мне кто-нибудь объяснил, например, как из имени «Александр» могло получиться «Саша»?! Где, святые гондурасы, логика? А это твое «Петрович» – вообще за гранью добра и зла! Этот язык не великий и могучий, а мозговыкорчевывающий!

– Это ты еще про «Шуру» не знаешь! – Игорь рассмеялся.

И я тоже не сдержал смех. Хороший он вампир. Очевидно, был и хорошим человеком – понимающий, терпеливый, сострадательный. И хоть он уже лет шестьдесят как умер, в нем до сих пор осталась эта... душевность. Возможно, русские тоже имеют право на существование.

Настя

– Да, Василий Иннокентьевич, до завтра!

Я положила трубку и недовольно поморщилась. Мой репетитор уже в третий раз подряд забывает про наши занятия! Я перезваниваю ему, он каждый раз удивляется до шокового

состояния, а потом полчаса извиняется, что снова забыл про оговоренную встречу. Если он и завтра «забудет», то придется искать нового репетитора. В принципе, я предполагала, что мое знание английского его все же добило, но интеллигентный старикан боялся сказать об этом прямо. Все школьные знания вылетели из моей головы вместе с остальными воспоминаниями, а заниматься иностранными языками после того я как-то не удосуживалась. В институте, где никто не знал мою историю, у меня были серьезные проблемы с этим. Хорошо хоть, что иностранный у нас не профильный! Но вопрос все же надо было решать.

Я снова развернула смятый листок, вырванный из блокнота Игоря Петровича. Одиннадцать цифр и аккуратная подпись «Alex». Ну вот что за пижонство! Нельзя что ли написать по-русски нормальное имя? Чистейший выпендрож. Он бы еще завитушку какую-нибудь присобачил и королевской печатью накрыл. Ну нет, ему я точно звонить не стану.

Когда Василий Иннокентьевич окончательно отвалился, то есть в очередной раз начал бубнить свои извинения за забывчивость, я открыла объявления и договорилась с другим репетитором. Женщина, по голосу – молодая, значит, старческим маразмом прикрыться не сможет. Но когда она не пришла на первую же встречу, а потом удивленно рассказывала, что у нее это просто вылетело из головы, я чуть не заработала себе еще пару комплексов! Это что же получается – у них тут в городе такая секта репетиторов, где они состав-

ляют черные списки? А я, похоже, попала в топ. Это ж стговор, не иначе!

Недели через две мы столкнулись с Сашей на улице, рядом со зданием, где принимал клиентов наш общий психолог. Я уже выходила после сеанса, а он стоял неподалеку, облокотившись на черную иномарку. Наверное, приехал раньше и ждал своего времени, чтобы зайти.

Я растерялась и не могла сообразить, что делать – подойти и поздороваться или прошмыгнуть мимо. Но когда парень приветливо помахал мне рукой, я, улыбнувшись, шагнула по направлению к нему. Он, безусловно, странный, но скорее, очаровательно-странный, чем пугающе-странный.

– Привет, – сказал он и снял темные очки, щурясь от не слишком-то яркого январского солнца. И снова слишком легкая для такой погоды куртка, да еще и расстегнутая. Темные очки, футболка и с виду тонкая кожаная куртка – очередной признак его непроходимого пижонства. Но решила быть вежливой:

– Привет, как проходит терапия?

– Похоже, я неизлечим, – вздохнул он. – А твоя?

– Видимо, у меня та же беда, что и у тебя, – обреченно ответила я.

– Сомневаюсь.

– Так проверь меня! – я почему-то начала радоваться, что мне не удалось прошмыгнуть мимо, поэтому была готова поддерживать и этот глупый разговор.

– Ты тоже думаешь, что ты – птица? – изумился он. – Тут неподалеку я видел хлебные крошки! Слетаем, поклюем?

Рассмеявшись, я заявила:

– Не, у меня не до такой степени все запущено. А ты какая птица?

Он неожиданно оттянул вправо ворот футболки, показывая татуировку – птица с заостренным вниз клювом и расправленным крылом.

– Сокол, – пояснил он совершенно серьезно.

– Больше похоже на курицу кавказской национальности, – я продолжала рассматривать очень красивый рисунок, приблизив лицо к его плечу. – Ой, – я осознала, что делаю, и отпрянула. Видимо, его незакомплексованность заразна.

Его темные глаза смеялись, и это смутило меня еще сильнее. Поэтому решила продолжить шутку:

– Саша, у меня для тебя плохие новости. Ты – не птица!

– Настя, у меня для тебя плохие новости. Я – не Саша. Алекс! Seriously.

Какое ребячество с его стороны! Я прищурилась:

– А по паспорту как?

Он рассмеялся громко, запрокинув голову.

– Ты не поверишь!

– И все-таки? – а как еще реагировать на такое трепетное отношение к своему имени?

– Александер Джозеф Коннери, – он не мог перестать смеяться. – Так что как угодно – Алекс, Лекс, Эй Ди, Ксандер,

но только не Саша. У меня прямо какая-то аллергия на это слово.

Он что, серьезно, что ли? Получается, что я полная балда... Почему же он раньше меня не поправил?

– Это с чего ж твои родители так извратились? – ну не извиняться же, в конце концов!

– Обязательно у них спрошу, когда встречу. Я в Англии родился, в Лондоне.

Ну ничего себе! Какого репетитора я... до сих пор не хочу звать в репетиторы.

– Но ты идеально говоришь по-русски! – видимо, все-таки настала очередь комплиментов. Или это совесть за незаслуженные обвинения во мне взыграла.

– Долгая история, – он уже не смеялся, но продолжал улыбаться. Глаза то и дело соскальзывали на эту улыбку. – Хочешь, расскажу? Садись, подвезу до дома.

Он заигрывает со мной или я так сильно хочу, чтобы он со мной заигрывал? Проверю первый вариант:

– У меня вообще-то парень есть!

Его это ничуть не смутило:

– И? Он что, тебе запрещает общаться с другими психами на психиатрические темы?

– Он... вообще не знает, что я посещаю психотерапевта, – не понимаю, почему сказала ему это. Возможно потому, что только такие, как мы, способны понять.

– Глупо! Он ведь парень твой. Неужели не заслужил до-

верия? – сказал он уже серьезно. Видимо, он не из тех, кто способен понять. Хотя Игорь Петрович тоже настаивает на том, что я должна научиться быть откровенной с Денисом.

Я не ответила. Ну не станешь же выкладывать все незнакомому человеку... Даже тому, кто мнит себя птицей. Даже тому, кто так легко располагает к себе. Он сам сменил русло разговора:

– Как занятия с репетитором? Уже шпрехаешь, как на родном?

– Все в порядке! – ему я не стала говорить о моей небольшой неловкости со всеми репетиторами города.

– Ну и славно, – он снова улыбнулся, после чего мы попрощались.

Дома я опять достала измятый листок с его номером. Теперь его имя, выведенное латинскими буквами, не выглядело так смехотворно. Но звонить ему я все равно не собиралась. Он действовал на меня странно, я слишком легко поддавалась его обаянию. Но если я хочу жить нормальной жизнью, то вряд ли стоит связываться с таким человеком. Хотя я и не помнила, но знала, что со мной сделали. Если уж человек, которого я называла отцом, оказался таким извергом, чего же ждать от совершенно чужих людей? А Денис – это тот, кто делает мою жизнь нормальной. Он никогда не причинит мне вреда. За это и люблю.

И я решилась. Денис снимал квартиру недалеко от института. Я приехала к нему и все рассказала. Все-все. Я поняла,

что если на самом деле люблю его, то не имею право оставлять в неведении. Он очень долго смотрел на меня, а потом прижал к себе и заплакал. Гладил по спине и извинялся за то, что всего этого не видел. Говорил, что пройдет со мной через все. Что будет ждать, сколько угодно. Что убьет моего отчима, если тот снова появится в городе. И я тоже плакала. От счастья. Какой же надо было быть душой, чтобы так долго держать это в себе? Я едва не потеряла лучшего на свете парня из-за своего молчания! Мы так и уснули в обнимку. Ближе мы еще никогда не были. И на этот раз я не тряслась от страха, потому что сейчас в его объятиях не было и намека на эротический подтекст.

Алекс

Игорь нашел мне дом совсем близко к Настиному. Это очень удобно, если желаешь следить за кем-то. Вечером она отправилась к своему ухажеру. В принципе, нормальный таковой парнишка оказался – я всю его биографию проверил. Подошел к двери, чтобы слышать, о чем они говорят.

Ну что ж, молодец девчонка. Наконец-то нашла в себе силы ему открыться. Теперь у них точно процесс пойдет быстрее, ведь она не будет так бояться. Черт. Я прожил двадцать пять лет смертной жизни и девяносто пять – бессмертной, и ни разу не испытывал этого мерзкого чувства. Но тем не менее, сразу его узнал. Ревность. Какая пустая, бессмысленная,

тревожная и разъедающая внутренности эмоция! Все дело в том, что я захотел ее до того, как узнал, что она моя внучка в каком-то там колене. Все дело только в этом. И сама невозможность вкусить хоть капелюшечку ее крови усиливает аппетит. Сексуальный интерес для меня вообще никогда не был прерогативой. Пусть моя маленькая наследница позволяет этому парню все. Я переживу. Хорошо хоть, что они сегодня вроде ничего такого не затевают, а то я еще не успел морально подготовиться.

Она позвонила через три дня. Ну наконец-то! А то уже надоело выводить из строя тех репетиторов, которых она пытается нанять. Первые два «забыли» прийти на занятие, третий потерял адрес, четвертый на ее звонок ответил, что вообще никогда не занимался репетиторством, с чего она вообще такую чушь взяла? Я знал, что рано или поздно она позвонит мне. Но мне было неприятно, что она не спешит со мной общаться. А общаться с ней было обязательным условием, чтобы завоевать доверие.

Договорились, что я буду приезжать к ним, а не наоборот. Молодцы! Отпускать Настю в дом к незнакомому мужчине – верх абсурда. Снова познакомился с ее мамой. Людмила Михайловна нашу первую встречу год назад, моими стараниями помнить не могла. Родительница была настороже – перед первым нашим занятием она уговорила меня выпить с ними чаю. Понятное дело – надо сначала убедиться в том, что мне можно доверить ее дочь.

Я рассматривал ее – глаза Настя унаследовала от матери, но локоны у той были рыжие, и запаха краски на волосах я не почувствовал. Это, безусловно, ничего не доказывало. На маму дочь походила гораздо сильнее, чем... на меня.

– Вы с Настей у Игоря Петровича познакомились? – спрашивала она.

– Угу.

– А чем вы занимаетесь, кроме репетиторства, если не секрет?

Секрет.

– Ничем. У меня богатые родители. Но вот решил показать им свою самостоятельность и найти подработку.

– А где ваши родители?

Сложный вопрос. Мамина могилка где-то в пригороде Лондона. Папина могилка где-то возле маминой. Анита – моя вторая мать, бывшая любовница и вечная любовь – в Нью-Йорке. Ах да, это именно она предлагала тебе хорошую должность там! Какого ж хрена ты не упростила всем нам жизнь?

– В Москве.

Видимо, мои односложные ответы не прибавили доверия к моей персоне, но зато отбили желание спрашивать дальше. Ох, чувствую, первые занятия будут проходить при неусыпном контроле. Меня это устраивает.

Мы наконец-то сели за стол в Настинной комнате. Людмила Михайловна осталась на кухне, прислушиваясь.

– Ну давай, рассказывай, что ты знаешь из английского.

– Ландан – из зе кэпитал оф Грейт Британ! – отчеканила

Настя, улыбаясь.

Я прикусил губу, чтобы не расхохотаться.

– Все?

Она немного засмушалась.

– Алекс, я правда почти ничего не знаю. Ну, кое-что успела выучить... У меня амнезия. Полная. В том числе и поэтому я хожу к психологу.

Почему она так откровенна со мной? Своему Дениске несколько месяцев не могла сказать то же самое. Я сделал вид, что удивлен.

– Ясно. Тогда будет сложно.

Она расстроилась:

– Ты тоже отказываешься со мной заниматься? Я так-то быстро все запоминаю. Но изучать язык самостоятельно... А репетиторы...

Я перебил, не собираясь слушать, что там случилось с ее репетиторами:

– Тогда урок первый. Самый важный, – дождавшись заинтересованного взгляда, произнес с тем же дичайшим акцентом, что и у нее: – Москоу из зе кэпитал оф Раша.

На этот раз рассмеялась она. А я призадумался – как учить человека своему родному языку? С чего начинать? Сегодня надо будет пошарить в Интернете этот вопрос, плюс нужны какие-то пособия. Вот, до чего я докатился!

– Слушай, нам нужны учебники. Раз все так запущено, начнем с азов. Завтра! – я встал и, кажется, увидел разочарование в ее глазах. – Не бойся, не потеряюсь. Давай завтра в то же время?

– Хорошо.

* * *

Постепенно я вошел в колею и дело у нас пошло. Мы занимались три раза в неделю и, должен признать, она действительно понимала и запоминала все легко. Хотя по сравнению с моей способностью, перенятой от Мастера, – это все равно было очень долго и сложно. Людмила Михайловна, похоже, смирилась с моим существованием и даже уже ненадолго выходила из дома, если возникали дела.

– Алекс, – после очередного занятия сказала Настя. – Остайся, выпей со мной чаю. Если хочешь, я разогрею ужин. Мама еще не вернулась... Ну, если у тебя других дел нет.

За эти две недели о вещах, не связанных с иностранным языком, мы не разговаривали. Меня удивила, да что там – обрадовала эта просьба. Похоже, доверие все-таки появляется.

– Чай сойдет.

Мы уселись на кухне, а я ждал, когда она начнет разговор.

– Спасибо, что занимаешься со мной! – не совсем то, что

я бы хотел услышать.

– Спасибо, что платишь мне за это деньги.

Она улыбалась, но не выглядела расслабленной.

– Могу я тебе задавать личные вопросы?

– Задавать-то можешь, но не факт, что я начну на них отвечать, – я тоже улыбался. И тоже не мог расслабиться, ожидая чего угодно.

– Что у тебя случилось? – она как будто извинялась взглядом за этот вопрос.

– Когда именно? Со мной много чего случилось.

– Ну... почему ты ходишь на терапию?

Ах, вот оно что. Ей интересно, такой же я сломанный, как она, или нет.

– А почему к нему ходишь ты? Только из-за амнезии? Но, похоже, с ней ты давно смирилась, – я был уверен, что она всего не расскажет. Значит, и я смогу не отвечать. Но она вдруг ляпнула:

– Меня изнасиловал отчим, а потом я потеряла память. Я ничего не помню. Но не могу быть... с мужчинами...

Так-так-так. И как я должен на это реагировать? Грохнуть в обморок? Зачем ты говоришь мне это?

– Бывает, – да, получилось не слишком сочувственно.

Она удивленно приподняла брови, а потом рассмеялась.

– Ты совершенно ненормальный, знаешь об этом? Думаю, поэтому мне так легко с тобой!

Ой-ё, девочка, притормози. Я и так еле держусь. Надо сме-

нить тему.

– А как же твой парень? У него от твоего сдвига, наверное, уже глаза на лоб лезут?

Настя заметно приуныла.

– Да. Именно так. Я очень люблю его, и он все понял и принял. А я до сих пор боюсь.

– Почему бы тебе не поговорить об этом с психологом? Я не могу тебе помочь.

Она прикусила губу, смущаясь. А потом сказала:

– Прости! Я не знаю, почему именно тебе говорю! Мы с Игорем Петровичем все варианты перебрали, я все равно боюсь. Понимаешь? Когда меня Денис целует – все хорошо, но стоит ему хотя бы обнять меня или что-то больше... Я трясусь от страха... и он прекращает! – Настя вскочила, краснея, и зажала рот рукой. – Прости! Не знаю, почему я говорю это тебе. Потому что с тобой легко! Прости!

Я прикрыл глаза, не желая больше лицезреть ее метания. Ей стыдно, что она это сказала. Но я понимаю, почему она это сделала. Она ищет выход и считает, осознанно или подсознательно, что я могу ей этот выход показать. Вряд ли можно подойти к любому другому парню с такой просьбой. А тут, нате – готовый незакомплексованный псих. Решился, открыл глаза, встал и подошел к ней. Настя замерла и только судорожно втягивала воздух.

Держи, моя девочка, свою психотерапию. Кто потом будет откачивать меня – неизвестно.

Я провел рукой по ее волосам, она вздрогнула, но тут же успокоилась, прислушиваясь к своим ощущениям. Пальцем по щеке – она отвела взгляд. Поднял ее подбородок и прикоснулся губами. Да, знаю, у твоего Дениски с поцелуями все в порядке, но я так давно этого хотел. Она подалась навстречу, и это меня остановило. Она хочет не этого. Я с силой прижал ее к себе и почувствовал, как она резко напрягается, а потом мгновенно расслабляется в моих руках. Целую шею, спускаюсь ниже и постепенно сам начинаю задыхаться. Все меньше нежности. Все больше страсти. Только бы не укусить, только бы не укусить. Она уже прижата к стене, а я не контролирую себя, возвращаясь к губам. Она не просто отвечает – она возбуждена не меньше моего. Руки по всему ее телу и никакой нервной дрожи, никакого страха, только стоны. Я подхватил ее бедра, заставляя обвить себя ногами. Только бы не укусить. Я хочу больше! И ты тоже хочешь!

Я с усилием оторвался от нее, отпрянул и схватился за голову. Чёрт.

Потряс головой, чтобы прийти в себя. Так, коллега, в ходе научного эксперимента установлено:

А) Нет у Насти никаких фобий. И они с Денисом это скоро и сами поймут.

В) Она доверяет мне больше, чем своему парню.

С) Она хочет меня. Что бы она там ни говорила о своей любви, меня она точно хочет. И если бы я продолжил, она не стала бы меня останавливать. Вот без

этого знания я как-нибудь бы прожил.

D) Я хочу ее до одури.

F) Черт знает, что теперь делать. Как перестать хотеть ее крови, узнав какой на вкус ее поцелуй?

G) Я пропустил букву «Е».

– Алекс, – из размышлений меня выдернул тихий голос. –

Алекс, прости!

Я поднял голову к потолку и чуть не завыл от безысходности. Потом собрался, подошел, посмотрел в глаза и произнес: «Забудь все, что произошло после того, как мы вышли из твоей комнаты». Настя, раскрасневшаяся и растрепанная, моргнула, удивленно посмотрела по сторонам, а потом снова, как и пятнадцать минут назад, попросила:

– Останься, выпей со мной чаю. Если хочешь, я разогрею ужин. Мама еще не вернулась... Ну, если у тебя других дел нет.

На этот раз сработало. Убедившись в этом, я направился к двери.

– Нет. Извини. Я бы не хотел, чтобы наше общение выходило за рамки занятий.

* * *

Как же я был зол. На нее, на себя, на весь мир. Надо срочно кого-нибудь убить. Среди вампиров никто бы и не подумал осуждать инцест, у нас вообще не принято осуждать. А

вот смертные к таким вещам относятся... хм... скептически. А мне потом придется ей рассказать о том, что мы родственники. Сомневаюсь, что она простила бы меня и с радостью побежала бы присоединяться к Тысяче Сокола. Уж точно не после того, как ею уже воспользовался один из наших. И я... был в миллиметре от того, чтобы воспользоваться. Как же я зол!

На первом этаже приоткрылась одна дверь, из которой показалась любопытная мордашка какой-то старушки. Сечет, бестия, кто тут по ее подъезду шарится среди бела дня. Я молниеносно шагнул к ней, не давая закрыть дверь, и протолкнул внутрь квартиры. Атмосфера тут же начала давить, ведь напуганная бабуля и не думала меня приглашать. Но мне хватит сил справиться с ней. Я присосался к ее запястью, и только когда она закричала, вспомнил о том, что нужно внушить спокойствие. Утихомирив и уложив ее тело на пол, я вонзил клыки в шею. Уже задворками сознания вдруг ощутил, что она еле дышит. Отпрянул и прощупал пульс. Едва жива! В этом случае не получится просто зализать ее раны, поэтому прокусил свой палец и засунул ей в рот. Не умирай, старая развалина, мне и так паршиво. Такого Дитя мне не надобно. Сделав все, что мог, отодвинулся к стене и ждал.

Минут через десять она открыла глаза. Удивленно озираясь, наткнулась на меня взглядом:

– Что... Что случилось?

К тому времени мне было настолько плохо, что я едва мог

говорить:

– Вы потеряли сознание. В подъезде. Я занес вас в квартиру.

Она почмокала все еще бледными губами, а потом сказала тихо:

– Спасибо, сынок.

Атмосфера тут же изменилась, мое головокружение начало проходить.

– Как тебя зовут? – поднимаясь с пола, спросила моя жертва.

– Саша.

Глава 5

Алекс

Через два с половиной часа я пожалел, что не сделал бабу Женю своим Дитя. Да, ее потом бы убили, как несанкционированного вампира, но такой супер-шпион оказал бы честь любой Тысяче. Выяснив, что она живет одна и стратегически будет верно завязать с ней общение, я сходил в магазин, купил батон и молоко, после чего вернулся и переждал пару мучительных минут слезливых благодарностей. Ну и, естественно, согласился на приглашение выпить с ней чаю и поговорить о жизни.

Так вот, Настину соседку звали «баба Женя». Я не шучу! Даже переспросил, чтобы удостовериться. Реально, «баба» – что в этом странном языке означает грубое обращение к женщинам, и «Женя» – что до сих пор я наивно считал мужским именем. В мое не слишком длительное пребывание в их столице я с таким не сталкивался. Там даму можно было всерьез обидеть, назвав «бабой», а тут человек сам так представляется. Никогда не пойму логики русских. И вот эта самая баба Женя была в курсе многих событий, о которых я не узнал ни от друзей, ни от матери Насти. Я, конечно, могу внушить

человеку быть более искренним, но заставить его рассказать то, чего он абсолютно не хочет говорить, или то, чего он не знает, – я не способен. А Настина соседка, возможно, в силу своего одиночества, была не просто кладезем информации, но и охотным ее распространителем. Просто, кроме меня, благодарных слушателей, очевидно, было немного.

– Это ты типа учитель у нее?

– Угу. По английскому. Это называется «репетитор».

– Ох, сейчас все взялись за этот английский! Как будто других дел нет. Мои внуки тоже изучают в этой своей Москве...

Пришлось выслушать всю историю ее детей и внуков. Но я не возражал. Как ни странно, но простодушный треп этой старухи действовал на меня успокаивающе. А мне очень нужно было успокоиться.

– А у вас с Настькой намечается чаво? – она подмигнула. – А то у нее жених!

Я улыбнулся этой блюстительнице нравственности:

– Нет, я просто репетитор. И про жениха ее знаю.

– Ох, глаза у него жгучие! Красавчик! Ты это, Санек, не робей – ты тоже красавчик. Только волосы зря красишь.

Чего я делаю? Но у меня не было желания с ней спорить. Вампиры ненадолго могут изменять цвет волос, но краска смывается слишком быстро. Да и нужды в этом нет. Тем более – мне. А бабуля моя хитро прищурилась и спросила:

– А ты, милоч, случаем, не из этих?

Я едва не рассмеялся, понимая, на что она намекает, но спросил серьезно:

– Из кого?

– И этих... – она как будто немного засмузилась, но, похоже, это чувство не было ей свойственно. – Из пидерастов.

Ну и словечко! Снова сдержал смех. Все бессмертные рано или поздно пробуют на вкус оба пола, и я не исключение. Но поскольку секс для меня после Ритуала вообще никогда не стоял на первом месте, провел всего пару опытов – да и то ради интереса. И могу сказать, что моя натуральность пока еще остается вполне натуральной. Хотя с технической точки зрения и женщины, и мужчины могут доставлять удовольствие, но тягу я за всю свою смертную и бессмертную жизнь испытывал только к женскому полу. Если это можно назвать тягой. Будучи человеком, я просто удовлетворял потребности с помощью многочисленных дам, но ни в кого слишком сильно так и не влюбился. Аниту я, конечно, любил, но Дитя и не может не любить своего Мастера. И вот сейчас эта Настя... Так, о другом надо думать.

– Угу, из них. Из пидерастов, – я просто хотел посмотреть на ее реакцию. Если ее хватит инфаркт, то моей вины в ее кончине уже не будет. И оно того стоило! Бабуля вытаращила глаза и отквасила челюсть. Но постепенно собралась и жалостливо запричитала:

– Ты чего ж так, Санек? Видный такой парень... только б волосы не красил. И добрый! Вон, меня из беды спас... и

батон купил! Ох, жаль. И с Настькой бы мог... А, нет, у нее же жених есть! Ох, божечки, что же делать...

Я молчал. Вообще-то, я рассчитывал на то, что баба Женя посвятит в тайны моей «ориентации» соседей. И если это дойдет до Насти, то может, она перестанет смотреть на меня такими глазами. Так, о другом надо думать.

– После всего ей еще повезло, что хоть кто-то ее любил, – продолжила моя собеседница свой монолог, но вдруг осеклась. – А ты ж не знаешь, что с ней случилось?

– Знаю, Настя мне рассказала, – и наблюдал, с каким чрезвычайным облегчением выдохнула баба Женя. Ну конечно, если я в курсе, то и она может смело это со мной обсуждать. А ей очень хочется это обсудить. Я решил ее подтолкнуть. – А вы знали ее отчима?

– Конечно, знала! – она приняла мой вопрос как обвинение в шпионской некомпетентности. – И он мне сразу не понравился! Ну, может, не сразу. Сначала весь такой положительный, приветливый. Но как-то раз случилось очень странное...

Так-так, тайная разведка, все выкладывай.

– Я в подъезд как-то выглянула, а он Настю за руку в квартиру тащит. А она плачет. Увидела меня и даже не поздоровалась. А он так зыркнул! И, честное слово, у него лицо было какое-то странное. Глаза кровью налитые и... даже не знаю, как сказать. Но он подошел ко мне и что-то шептать начал. Я успокоилась, решила, не мое это дело, что у других в се-

мьях творится. Может, поругались. Может, он ей сережки не купил или еще чаво. И как-то даже желания не было никому об этом рассказывать, вот тебе только впервые говорю. Но с тех пор он мне не нравился. Если бы я тогда знала, что происходит, обязательно бы Людмиле рассказала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.